

13 . Leedom Lefferts. Village as stage — imaginative space and time in rural Northeast Thai lives // JSS, vob. 92. 2004. P. 129–144. Gittinger Matiebelle and Leedom Lefferts. Textile and the Tai experience in Southeast Asia. Washington, D.C. The Textile Museum.

А.А. Бурькин

ШАМАНСКИЕ ФОКУСЫ КАК КУЛЬТОВЫЙ ТЕАТР: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ИЛЛЮЗИОНИСТСКУЮ ПРАКТИКУ ШАМАНОВ У НАРОДОВ СИБИРИ

Описания иллюзионистской практики, или шаманских фокусов, сопровождающих камлания шамана, довольно многочисленны, они присутствуют почти в каждой публикации по традиционному шаманству и имеются в значительном количестве этнографических источников. Тем не менее иллюзион шаманов народов Сибири, как кажется, еще никогда не был предметом специального рассмотрения ни в сравнительно-типологическом плане, ни в историко-генетической перспективе.

Иллюзионистская практика шаманов у народов Западной Сибири известна по ряду источников и этнографическим исследованиям. У ненцев шаманы пронзали себя ножом без ущерба для себя, давали себя душиТЬ¹. Привилегия показывать такие приемы принадлежала сильным шаманам. Как пишет Л. Лар, знаменитые ненецкие шаманы Мутратна тадибе, Тэм'сорта, Ял'тана славились своими чудесами и фокусами, которые они проделывали — они стреляли в себя, ловили пули, протыкали себя насквозь хореем, отрезали себе голову и т.д.² Эти фокусы были зафиксированы многими исследователями и путешественниками XVII–XIX веков. У нганасан, у которых шаманы не делились на ранги по их силе, были особые специалисты, которые демонстрировали фокусы, в то время как другие шаманы занимались лечением, а третьи предсказывали будущее.

Селькупы рассказывали Е.Д. Прокофьевой, что сильный шаман ловил выпущенные в него ружейные пули, резал себя ножом и рубил топором³. Селькупские шаманы практиковали иллюзион в темном чуме. Ненецкий шаман из рода Лодоседа ходил по горячим углям, колол себе живот большим ножом, прокалывал себя снизу⁴, другой шаман ходил по битому стеклу и горячим углям, брал их голыми руками⁵. Г.Н. Тимофеев, написавший интересную книжку о шаманах народов Западной Сибири, описал интересный пример шаманского гипноза: после произведенного шаманом массажа рук присутствующих у них создалась иллюзия того, что стол движется⁶. К шаманским фокусам, которые отмечаются у западно-сибирс-

ких народов, по Г.Н. Тимофееву, относятся хождение босыми ногами по горячим углям и битому стеклу, вонзание в собственное тело остро заточенных гвоздей, лизание языком раскаленного железа⁷.

Как отмечал К. Карьялайнен, хантыйский шаман показывает следующие фокусы: прокалывает себя ножом, выворачивает веки, протягивает жилу через нос и рот, глотает кольца и согнутые иглы, заставляет себя душить петлей, освобождается от веревок⁸, однако же проделывает это «весьма неуклюже»⁹. В.М. Кулемзин писал о том, что у восточных ханты шаман мог освобождаться от связывающих его веревок, выйти из закрытого сундука, перейти через реку по натянутой проволоке¹⁰. Рассказывают, что один хантыйский шаман вылез из сети, в которой он был опущен в воду, и оказался дома.

В.М. Кулемзин и Е.Н. Сязи пишут, что хантыйские шаманы нюкульта-ку были самыми настоящими фокусниками: ловили на лету пушечные из лука стрелы, вылазили из завязанного мешка, снимали с себя одежду, имея связанные руки, а один прославился на весь Васюган тем, что, стоя в вертлявой долблёной лодке, зубами мог достать плывущую по воде ветку¹¹.

Нганасанские шаманы практиковали прокалывание себя острым предметом — длинным ножом или стрелой. В конце 1980-х годов съемочная группа Красноярского телевидения подготовила объемный сюжет о нганасанских шаманах, в который вошли кадры съемки последнего знаменитого нганасанского шамана Тубяку Костеркина, протыкающего себя стрелой¹².

Кетские шаманы также показывали фокусы — резали шкуру медведя, а она оказывалась целой, протыкали себя раскаленной пальмой, глотали раскаленные угли и иголки, плясали на раскаленных углях¹³.

У тувинцев шаман тоже показывал фокусы — манипулировал ножом, кремневым ружьем, ходил по горячим углям, проглотил топор, тушил костер ногами босиком, искал спрятанное. Немало рассказов о подобной практике тувинских шаманов собрал М.Е. Кенин-Лопсан¹⁴. Так, Сат Сотпа из села Хондергей Дзун-Хемчикского района рассказывал много легенд о своем земляке Донгаке Кайгале, который был «универсальным» шаманом. О нем говорили, что он не боится ни пули, ни кинжала и владеет искусством перевоплощения в зверя. Коронный прием этого шамана заключался в следующем. Он просил опытного охотника зарядить кремневое ружье при всех и затем выстрелить в него. Пуля попадала в грудь шамана, из раны проливалась струя крови. Донгак Кайгал некоторое время находился в тяжелом, как бы обморочном состоянии, затем начинал тихо разговаривать со своими духами, постепенно приходил в себя, начинал бить в бубен и продолжал камлание. Прием с пулей шаман Кайгал производил только в юрте. Другой информант Кенин-Лоп-

сана, Монгуш Белек, рассказывал, что знаменитый шаман Сат Сойзул любил показывать во время камлания следующий фокус. Сначала он всем присутствующим показывал нож, даже позволил потрогать его. Потом, приостановив камлание, левой рукой направлял нож в грудь и, держа в правой колотушку, забивал его нож себе в грудь. Информатор уверял, что, будучи юношей, сам видел сеанс с ножом. «Это было в юрте шамана Сата Сойзула, которая стояла на берегу реки Теректиг. Была осень. Наступил вечер. Великий шаман Сат Сойзул забил в себя нож, сделанный из небесного железа, как он сам объяснил присутствующим. Я видел, что нож медленно входил в грудь шамана после каждого удара колотушкой. Когда нож вошел в глубину груди, Сат Сойзул стал тихим и неподвижным. Все думали, что он умер, но через некоторое время шаман зашевелился, вытащил нож из груди и спокойно продолжал камлание». Сказитель Дулуш Чамьян рассказывал следующее: «На реке Уюк Пий — Хемского района жил большой шаман Хурен-оол. Обычно камлание он проводил вокруг костра, который тушил босыми ногами и ходил по горячей золе. Фокусы он показывал разные, но один был у него наиболее любимым — он “проглатывал” топор. Однажды шаману проиграл русский богач Вавилин. Он приехал к косарям, среди которых был и шаман Хурен-оол. “Какой хороший у тебя топор!” — с восторгом сказал шаман. “Если мой топор хорош, проглоти его сейчас же!” — приказал Вавилин. Шаман долго сам с собою разговаривал, шептал и что-то говорил своим духам, которые, как все тогда предполагали, стояли возле него. Затем Хурен-оол осторожно снял топориче и медленно проглотил весь топор. “Ты не человек!” — сказал Вавилин и поехал домой. Так шаман-фокусник перехитрил русского богача и вернулся домой с новым топором». Некоторые шаманы славились тем, что во время камлания могли доставать неизвестно откуда разного рода предметы, например табак, чай или давно потерянную вещь: аркан, огниво, кольцо. Саая Самбуу рассказывал, что на территории Монгун-Тайгинского района жил шаман Саая Чимеккей, который, как считалось, происходил из племени албыс. Когда кончался табак, соседи непременно обращались к нему. Саая Чимеккей камлал ночь и с наступлением рассвета через верхнее отверстие в юрте в его бубен падала целая пачка табака, которую шаман дарил присутствующим, но сам не курил. Говорили, что, если он будет курить этот табак, его шаманская сила ослабеет. Как рассказывали М.Е. Кенин-Лопсану, шаман Хурен-оол во время камлания тушил костер босыми ногами. Говорили, что шаман Хурен-оол в любой сезон года мог демонстрировать этот прием¹⁵.

Нанайские шаманы-фокусники прокалывали себе грудь ножом или копьем, глотали угли, летали по воздуху, ездили на лодках с гребцами-духами¹⁶. Эскимосские шаманы показывали такие фоку-

сы — стреляли в голову или сердце, отрезали язык, кололи ножом, вытаскивали кишки, глотали камни, уходили из закрытой яранги. У айнов специальный бог фокусов Хэтэрэ-камуй помогал шаманам в их действиях¹⁷. Бурятский шаман, как писал В.Н. Басилов, однажды вылез из костра с горящей соломой¹⁸.

Как писал В.Г. Богораз, наблюдавший шаманскую практику чукчей, у них прокалывание шаманом своего тела ножом иногда исполняется реально честно (один шаман показывал ему раны на теле, полученные таким образом), но нередко фокус заключался в прокалывании одежды, или при таких манипуляциях употребляется деревянный нож¹⁹. Для показа крови, вытекающей из ран, в фокусах использовалась замороженная кровь тюленя. Один шаман собирался показать Богоразу, как он прокалывает себя настоящим ножом, но тут шаману явился дух и запретил ему подвергать свою жизнь опасности до тех пор, пока он не вернет долг — не принесет в жертву оленя²⁰. Впрочем, В.Г. Богораз заметил: «В большинстве случаев эти трюки довольно неловки. Но ряд трюков, наоборот, поражает искусством, которое ничуть не ниже умения первоклассных фокусников цивилизованных стран»²¹. В.М. Михайловский писал, что якутские шаманы при прокалывании себя ножом привязывали к животу кишку с кровью или бересту в несколько слоев, через которую и пропускали нож. Он же отмечал, что у селькупов-томских самоедов шаманы позволяли стрелять в себя, за что иногда платились жизнью²².

Мы располагаем прекрасным описанием одного примера шаманского иллюзиона якутов, который наблюдали участники Второй камчатской экспедиции в 40-е годы XVIII в., благодаря сохранившимся в архивах отчетам экспедиции и публикации описания путешествия И.Г. Гмелина. Вот что можно в них прочесть.

Во время 2-й Камчатской экспедиции перед [Г.Ф.] Миллером и группой других ученых Российской Академии наук камлала 20-летняя шаманка-якутка, которая «пришла в славу». О ней было известно, что она колола себя ножом, а ран не имела, потому что они «дьявольскою помощью в тож время» заживали.

8 мая 1737 г. профессора Миллер и Гмелин встретились с шаманкой «для подлинного свидетельства». Когда шаманка в ходе камлания стала делать вид, что протыкает себя ножом, «господин доктор Гмелин по прошению господина профессора Миллера брюхо ея под платьем стал щупать и узнал, что нож не в брюхе...». Тогда шаманка «стыда ради, брюхо ножом подлинно проколола и от вышедшего из под кожи жиру кусок отрезала, и, изжарив, съела, а о ране де, которая от того учинилась, объявила она ложно, будто де она для того скоро не зажила, что брюхо у нее щепали...».

Ну, раз брюхо щипали и тем шаманке помешали, то дотошные ученые решили продолжить опыт. 26 мая состоялось повторное кам-

лание. Шаманка опять воткнула нож в платье «якобы в брюхо», и отломила черенок. «И потом притворилась она, будто нож выблевала». А сделала это так: «припав к земле, подставила правую рукою деревянную колотушку, чем колотят в бубны, ко рту, а левою рукою вынув из-под себя ножевое лезвие, положила из-под той колотушки скрытно в рот, и понеже то господин Миллер приметил, то де она шаманка сего обманства болши скрывать не смеет, а подлинно де колоть себя не может. О чем и был составлен настоящий акт...»²³

Помимо того, что информация этого отчета интересна сама по себе, мы имеем исключительно редкую возможность изучить еще одно описание тех же самых действий той же якутской шаманки — личные наблюдения И.Г. Гмелина, изложенные им самостоятельно и переведенные на русский язык В. Серошевским в своем труде «Якуты». Вот что В. Серошевский писал о шаманском иллюзионе якутов: *«Я ничего подобного не видел, но что это случилось, свидетельствует рассказ [И.Г.] Гмелина: “Мы услышали о волшебнице, которая так прославилась, несмотря на вою молодость: ей было всего 20 лет, что пользовалась большим доверием, нежели волшебники, уже под сорок лет практиковавшие свое искусство. Она жила в 20 верстах от города. Профессор Г. Миллер послал за нею, и она явилась. Она признала, что она волшебница и что настолько сильна в своем искусстве, что с помощью черта может пронзить себя насквозь ножом без вреда для себя. Назначили вечер, когда она покажет свое искусство, и она согласилась. В определенное время мы собрались у юрты, где должно было идти представление. Волшебное платье было надето, заиграл бубен и волшебница стала делать прыжки, которые были очень искусны, вероятно вследствие ее молодости. По голосу нельзя было судить, что она так молода; ее крики, сливаясь с шумом бубна, походили то на рев медведя, то на рычание льва, на лай собак, на мяуканье кошек и т.п. Верхом на бубне она взлетала то к воздушным чертям, то к тем, что живут на земле, обращалась с ними очень свободно, вызывала каждого, разговаривала с ними и получала, как она уверяла, искренние ответы. Якуты были вне себя от изумления при виде такого доверия чертей к человеку. Мы с нетерпением ждали момента пронзания ножом и внимательно за всем следили. Наконец она спросила нож. Ей подали острый, с тонким концом нож, и в самом деле показалось, будто она всадила его себе в тело и что он вышел своим концом с другой стороны. Она сильно нажала тело вперед, и казалось, что нож пронзил ее, казалось, что он вошел в тело при большом усилии. Я схватил рукою, чтобы убедиться, действительно ли нож в теле, но волшебница тотчас же сказала, что*

на этот раз черти не хотят слушаться и что, вероятно, они сегодня не исполняют ее желания, и просила отложить до другого вечера. Мы дали ей отсрочку до другого вечера. Несмотря на то, что она сама заявила, что нож не был в ее теле, якуты единодушно верили, что он там был, и что черти приказали ей, волшебнице, солгать нам, неверующим. На другой день снова начался танец, о котором могу сказать, что он был не менее искусен, чем предыдущий. Наконец дошло до фокуса с ножом. Она действительно проколола себя и вытащила окровавленный нож. Я оцупал рану и кусок выпавшего сальника. Волшебница отрезала его, велела изжарить на углях и съела. При виде этого якуты выражали свое удивление особенными звуками и движениями, полными благоговения. Самое нутро их сердца было тронут. Она же оставалась спокойною, как будто с нею ничего особенного не случилось, и это еще больше усиливало удивление якутов. И так она показала свое искусство. До сих пор она жила и кормилась у проф. Миллера, которому она понравилась, и теперь она отправилась в его дом, наложила на рану пластырь из лиственничной смолы, обвязала ее берестой и всякими старыми тряпками, причем стянула свой живот как только могла. После этого она дала письменное сознание, за подписью своею и за подписью переводчика городского, в том, что до этого раза она никогда не продевала сквозь тело ножа и теперь не имела намерения этого делать, а хотела обмануть нас, как якутов, и, подтянув живот, пропустить сквозь одежду. Якуты никогда не сомневались в том, что она прокалывает себя, а мы подметили обман. Что она слышала от своих предков, что люди не умирают, если проткнут себя ножом и съедят кусочек собственного жира, и что если рана хорошо перевязана, то опасности нет. Это она вспомнила между первым и вторым представлением, и, скрепив свое сердце, решила доказать нам, что она не обманщица. Теперь, когда ее дружески убедили, она признается, что обманывала якутов для внушения большего почтения к своему искусству. Через шесть дней рана ее зажила, хотя она ее не больше двух раз перевязала. Тогда же мы услышали о другом подобном волшебнике, живущем в верховьях Вилюя; мы и от него взяли такое же признание»²⁴.

В этом повествовании имеется одна исключительно важная деталь — молодая якутка-шаманка «слышала от своих предков, что люди не умирают, если проткнут себя ножом и съедят кусочек собственного жира, и что если рана хорошо перевязана, то опасности нет», т. е. знания о том, как показываются подобные фокусы, так сказать, на грани риска, были почерпнуты ей из общения с шаманами или знатоками практики, которые имели представления о том, как именно делаются такие манипуляции без опасности для

жизни и без вреда для здоровья. По-видимому, данное свидетельство научения шаманским фокусам является единственным в литературе — и тем оно уникально. Любопытно и то, что объяснение причины долгого заживления раны якуткой-фокусницей дано только в отчете экспедиции, несмотря на то, что как раз описание И.Г. Гмелина содержит сведения о научении данным приемам.

Конечно, можно только досадовать, что наблюдательные путешественники, обладавшие обширными познаниями в области естественных наук, не оставили нам описания манипуляций того вилюйского шамана, с которого они взяли подписку о том, что он обманывает соплеменников. Однако один из шаманских фокусов наблюдал у вилюйских якутов в середине XIX в. М.И. Муравьев-Апостол, который дал замечательное описание камлания якутского шамана: *«Его (шамана) сопровождала толпа в несколько десятков якутов, оберегающих его от бед. Вечером вошли в мою юрту и несколько якутов. Он сел на пол, поджавши ноги, и надел на себя род тюники, сплетенной из сыромятных ремней и обвешанной разными побрякушками, которые при всяком его движении трещали и звенели. Тюника эта с узкими рукавами в обтяжку плотно облегла к телу, так что он не мог ничего спрятать под нею. Длинную косу свою он распустил вдоль плеч и, ударя палкой в большие бубны, стал вызывать разных духов, приставленных кто к воздуху, кто к водам, кто к лесам. Казак Жирков, говоривший по-якутски (нынешним бы этнографам заполучить такого казака в помощники! — А.Б.), объяснял нам все, что сказывал шаман. Потом он принялся он стонать и жаловаться, что медведь грызет его внутренности. Не переставая колотить в бубны, усиливая и учащая удары, он стал метаться во все стороны, а по мере усиливающегося страдания голова его с поднятыми вверх волосами начала кружить над шеею с возрастающею быстротою, доведившею его до какого-то исступления. Потом как бы вследствие невыносимой боли он поднялся и стал ходить по юрте, жалобно стенья. Вдруг показалась выступающая у него изо рта настоящая мохнатая медвежья лапа, которая сжималась, будто придавливая что-то когтями, и наконец исчезла из глаз мгновенно. Широкая эта лапа, чтобы выйти наружу, до безобразия растягивала ему рот. Тем и кончилось представление. Но явление изо рта этой движущейся лапы и быстрое ее исчезновение ничем не могли мы выяснить, и, не разделяя мнения тех, которые приписывают это явление присутствию злого духа, мы должны были признать в этом шамане искуснейшего из фокусников»²⁵.*

Анализируя описания шаманских фокусов, необходимо сразу же дифференцировать описания исследователей и путешественников,

которые были очевидцами действий шаманов, и разнообразные рассказы о способностях шаманов, почерпнутые из вторых-третьих рук. Рассказов последнего типа намного больше, нежели наблюдений, но в случае с рассказами мы имеем дело с фольклорным жанром рассказов-бывальщин или быличек. Фольклорные рассказы — это особая история, и в них на первый план выступают именно особые физические способности шаманов. Такие рассказы активно бытуют и до настоящего времени и пользуются вниманием среди популяризаторов шаманства²⁶.

Рассматривая описания шаманских фокусов у разных народов Сибири, трудно не заметить того факта, что иллюзионистская практика шаманов имела в качестве главного объекта собственное тело шамана. Манипуляции с режущими предметами, нанесение ран, демонстрация крови, «чудесное» заживление или исчезновение следов ранений являются общим местом описаний шаманской иллюзионистской практики, хотя совершенно ясно, что типы шаманских фокусов в ближайшем будущем должны стать предметом детального ареального изучения или картографирования.

При характеристике шаманской практики в целом шаманские фокусы, связанные с мнимым нанесением шаманом ранений самому себе, по умолчанию относились к средствам зрительного воздействия шамана на зрителей и в принципе могли рассматриваться как одно из средств гипнотического воздействия шамана на зрителей. Однако, если принимать такое объяснение, цель подобного массового воздействия шамана на присутствующих остается в достаточной мере непонятной. Относить шаманские фокусы к демонстрации сверхъестественных физических способностей шамана было бы не вполне правомерно, поскольку такие действия были совмещены с ритуалами.

Известно, что в равной мере и исследователи шаманства, и некоторые носители традиции определяют шаманскую ритуальную практику как «театр одного актера». Так характеризовали эту практику Е.Д. Прокофьева и В.Н. Басилов²⁷, так же называли шаманскую практику Д. Шрадер, с которым вполне солидарна Е.В. Ревуненкова²⁸, и точно так же — «театр одного актера» — назвала свое ремесло нанайская шаманка в беседе с Анной Васильевной Смоляк²⁹. В обсуждении генезиса такой практики высказывались суждения, что шаманские ритуалы — это свернутая форма коллективных религиозных ритуалов типа тех ритуалов, которые были описаны у эвенков А.Ф. Анисимовым³⁰. Исходя из этого уместно предполагать, что особая роль тела шамана, нанесения ран и непременная демонстрация присутствующим крови, якобы появляющейся из полученных шаманом ран, позволяет видеть в шаманских фокусах такого рода трансформации принесения кровавой жертвы, которая долж-

на была органически вписываться в шаманские камлания с просьбой об удаче в промысле или в благодарственные камлания. Данное направление трансформации обряда жертвоприношения могло иметь два сценария: во-первых, разыгрывание физического реального жертвоприношения и, во-вторых, разыгрывание такого обряда, который предполагал бы воскрешение, возрождение животного, приносимого в жертву. Последний сценарий предполагает в качестве закономерной составной части демонстрирование новой ипостаси жертвенного объекта в исполнении единственного актера-шамана, и здесь непременным атрибутом «текста» ритуала становятся чудесно зажившие раны.

Стоит заметить, что во всех описаниях шаманского иллюзиона остается в тени предназначение самого шаманского сеанса, на котором представлялся иллюзион. Если попытаться определить характер шаманских сеансов с иллюзионом методом исключения и отбросить последовательно проводы умерших, предсказание будущего, лечение больного, отыскание пропаж и все остальное — у нас останется только разыгрывание ритуального жертвоприношения, ну и еще чистые представления шамана для зрителей...

Таким образом, у нас есть основания полагать, что шаманские фокусы суть в своей исторической основе не иллюзион, сильно варьирующий в отношении исполнительского качества, а театр, в котором разыгрывается одна и та же пьеса, а именно — ритуал кровавого жертвоприношения и воскрешения. Данный тезис позволяет многое понять и объяснить в иллюзионистской практике шаманов, а также более глубоко разобратся в самом визуальном воспринимаемом материальном оформлении шаманских ритуалов. Думается, не случайно А.М. Золотарев называл атрибуты ульчских шаманов и шаманов других народов Приамурья театральным термином «реквизит» и самое разыгрываемое действие «спектаклем»³¹, и именно на этом делает акцент в своем исследовании шаманских ритуалов Е.С. Новик³². Путешественники, наблюдавшие шаманские фокусы, видели многие подробности техники манипуляции, понятно, никто из них не верил в сверхъестественные способности шаманов, однако они считали действия шаманов целенаправленным обманом. Как кажется, ранее никто не пытался рассматривать шаманские иллюзионистские приемы как составную часть определенного действия чисто театрального, драматургического характера. С этих позиций шаманский иллюзион во всех его возможных вариантах — от безусловно исполняемых трюков до достаточно примитивных имитаций с использованием ненастоящих орудий — представляет собой актерскую игру, причем не самостоятельные импровизации, а разыгрывание совершенно определенных действий, связанных с принесением кровавой жертвы. Носители тра-

диции, которые были непосредственными свидетелями такой практики, без сомнения знали о том, что являются свидетелями игры, точно так же, как чукчи знали об обманах шаманов и чукотские шаманы знали, что прибегают к обманам в своей практике. Насколько можно судить, шаманские фокусы в основном демонстрировались при совершении шаманского ритуала в жилище; таким образом, мы находим еще один аргумент в пользу того, что шаманский иллюзион — это разыгрывание совершения кровавой жертвы божеству или духу-хозяину, но такое разыгрывание, которое совершается в другом локусе: не на месте жертвоприношения, а в жилище, и в другом составе, когда исполнителем всех ролей является сам шаман.

С точки зрения происхождения, шаманские фокусы, связанные с манипуляциями с телом шамана и острыми предметами, кровью, чудесным заживлением ран, вероятнее всего, соотносятся с разыгрыванием ритуалов принесения кровавой жертвы, которые на какой-то стадии эволюции этих ритуалов вместо коллективного совершения в реальности стал исполнять шаман. Из некоторых источников, в частности, из описаний манипуляций якутской шаманки, которую наблюдали И.Г. Гмелин и Г. Миллер, известно, что иллюзионистские приемы передавались среди практикующих шаманов посредством обучения, которое имело по крайней мере словесный характер. В дальнейшем развитии, которое может связываться не только с изменением типов шаманских ритуалов по их цели, но в первую очередь с преобразованием в составе шаманских атрибутов и в комплект одежды, иллюзионистские приемы отделились от собственно «театральной», «реквизитной» части шаманских ритуалов и превратились в самостоятельную область шаманских знаний. Когда репертуар средств и приемов иллюзионистской практики существенно расширился, а главное — когда она отделилась от шаманских способностей и личности шамана, и когда шаманство как практика перестало существовать, демонстрация фокусов превратилась в самостоятельную форму деятельности. Она, как и многие виды искусства, сохранила психологические компоненты, вызывающие изменения состояния зрителя, но приобрела эстетические составляющие, которые стали в ней доминировать, и вошла в состав неизобразительного искусства или возможностей целенаправленной демонстрации способностей человека.

Интересно отметить, что хождение по раскаленным углям и битому стеклу, а также иные манипуляции с раскаленными в огне предметами являются характерными только для шаманов Западной Сибири. Возможно, что эти явления имеют среднеазиатские и центрально-азиатские истоки и в прошлом были как-то связаны с культом

огня. Однако можно думать и о том, что такая техника является собственно шаманской, а хождение через огонь представляет зрителям то, как шаман ходит по Нижнему миру.

Фольклорные рассказы о шаманских фокусах наделяют шаманов особыми способностями чисто физического характера, а именно — способностью пропускать через себя острые предметы, заживлять наносимые самому себе раны, ходить по раскаленным углям, освобождаться от пут, исчезать из закрытого помещения. Эти рассказы дополняют представления о могуществе шамана, обусловленном сверхъестественными существами или необыкновенными психическими возможностями шамана, которые проявляются в умении воздействовать на собственное сознание и на сознание других людей. Шаманские фокусы, непосредственно наблюдаемые путешественниками, воспринимались ими как иллюзионистская практика, причем не всегда талантливо исполняемая. Нам пришлось применить некоторые усилия к тому, чтобы увидеть за этой практикой не плохой иллюзион с невнятными целями, а вполне полноценный театр, театр одного актера, в котором разыгрывается чрезвычайно архаическая драма об одушевленной жертве и ее воскресении.

* * *

1. Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. Л., 1981. С. 13.
2. Лар Л.А. Ненецкие шаманы // Сибирская заимка. 2000. № 7. (www.zaimka.ru).
3. Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. Л., 1981. С. 42.
4. Тимофеев Г.Н. Тайны сибирских шаманов. Сургут, 1996. С. 42, 46.
5. Там же. С. 73.
6. Там же. С. 72.
7. Там же. С. 12.
8. Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов. Томск, 1996. Т. 3. С. 218.
9. Там же.
10. Кулемзин В.М. Шаманство васюганско-ваховских хантов (конец XIX — первая четверть XX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1974. С. 11.
11. Кулемзин В.М., Сязи Е.Н. Колдуны, чародеи, волшебники и шаманы // Вестник Томского государственного университета. Томск, 1998. Т. 266.
12. В кадрах этого фильма видна вполне качественная театральная техника показа этого фокуса — но все-таки это фокус, оттененный методами современной аудиовизуальной этнографии.
13. Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. Л., 1981.
14. Информация из ресурсов Интернета.
15. Кенин-Лопсан М.Е. Тувинский шаманизм // Интернет.
16. Смоляк А.В. Шаман: личность, функции, мировоззрение. М., 1991. С. 56–57.

17. Спевачковский А.Б. Духи, оборотни, демоны и божества айнов. М., 1988.
18. Басилов В.Н. Избранники духов. М., 1984. С. 29.
19. Шаманизм народов Сибири. СПб., 2006. С. 297.
20. Шаманизм народов Сибири. СПб., 2006. С. 298–297.
21. Шаманизм народов Сибири. СПб., 2006. С. 296.
22. Михайловский В.М. Шаманство. Тюмень, 2004. С. 104, 105.
23. Цит по кн.: Туголуков В.А. Следопыты верхом на оленях. М., 1969. С. 169–170.
24. Серошевский В. Якуты. 2-е издание, М., 1993. С. 607–608. Оригинал см.: Gmelin J.G. Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733–1743. Gottingen, 1751. Bd. II. S. 493–497.
25. Мемуары декабристов. Южное общество. М., 1982. С. 209–210.
26. См., например: Федоров В. Тайны вуду и шаманизма. М., 2003.
27. Басилов В.Н. Избранники духов. М., 1984.
28. Ревуненкова Е.В. Народы Малайзии и Западной Индонезии. М., 1980. С. 24.
29. Смоляк А.В. Шаман... М., 1991. С. 65.
30. Анисимов А.Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблема происхождения первобытных верований. М.; Л., 1958.
31. Золотарев А.М. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск, 1939. С. 162–163.
32. Новик Е.С. Доклад по опубликованным работам на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1996.

Н.Н. Крадин

ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СКОТОВОДСТВА У АГИНСКИХ БУРЯТ

*Работа выполнена при финансовой поддержке
гранта РФФИ (06-06-234а).*

Введение

Агинский Бурятский автономный округ расположен в юго-восточном Забайкалье. Его площадь 19,6 тыс. кв. км. Территория в основном занята пастбищами. С северной стороны округ окаймлен горами. С южной части границей округа является историческая река монголов Онон.

Название округа происходит от бурятского слова *ага*, что означает большую равнину. Так называется и река, которая пересекает округ по линии запад-восток. Река разбивает округ на две ландшафтные зоны: к северу от левого берега — лесостепь и к югу, между Агой и Ононом, — степь.